

БАГРОВ С.П.
«ЗА ДЕВЯТОЙ ВОДОЙ»
Художественные фрагменты

Фото на обложке В.МИТИНА

Иногда задумываюсь: сколько верст мною пройдено в молодые и зрелые годы? Тысяч тридцать, пожалуй. И потому повстречался с уймой народа. О каждом хотелось бы написать правдивый рассказ. Однако уже не успеть. Потому и пишу лишь фрагменты. Десятки блокнотов передо мной. А в них – трепещущие слова многоголосого русского стана. Словно сама Россия глядит на меня с пожухлых страничек, и я, как затерянный странник, опять ощущаю себя на дороге, которой иду, не спеша, к чуть теплющему закату, словно к алому лебедю, опустившемуся в лугах.

Побольше
движений,
поменьше
сидения
для всех,
у кого
душа

Вологда
2004

распахнута
и
любому
С. Багров
21.1.04

ЗА ДЕВЯТОЙ ВОДОЙ

(Встречи на проселках)

Налитухи

Там у нас за
деревней, возле
моста через Унжу,
белая баня. По-за

баней кусты. В тех кустах по субботам в потеми пряталась холостяжка. В баенке той три сестры хвойными вениками хлестались. За вечер по несколько раз выскакивали на волю. Все титькастые, белые, как налитухи. Порою прямо с мосточков прыгали в воду. Холостяжке это и надо. Щеперят глазами да воздыхают. И ведь что я тебе добавлю? Оденутся сестры, закинутся шальями, право, не баще других. А ребятам других, вроде, как и не надо. Дай только этих, на коих пелились по субботам.

В девках сестры не засиделись. В один год расхватили видные парни. У каждой теперь родилось по дочке. Растут, как и мамки, такие же налитухи.

По-Павловски

Женихи для нашей Натахи не выросли. Одно мелкотё, да и то гнилое. Вот и сошлась она с Броней Царёвым из-за реки. Мужичище под потолок, тихий, как ангел. Жить бы им в паре. Однако у Брони семья – коротышка-жена да четвёрка детей. Никто не видал, как встречались Броня с Натахой. А Натаха уже с животом. На Октябрьскую родит. И то хорошо - воспитаем наследника как нам надо. По-Павловски. Павловы - это фамилия наша.

Весёлый дом

Запоздился. Крытые шифером пятистенки тонули в сумерках, как в тумане. В одном из них, в раскрытых воротах сарая увидел чистившую грибы в красном фартуке махонькую старушку.

- Переночевать бы у вас?

Хозяйка, оставив корзину, приветливо улыбнулась:

- Можно. Но не у нас. В дому-то у нас сплошь девки. А ты мужчина ещё не старей. Я тебя к Мите Дулову уведу.

Мне все равно. Лишь бы ночь скоротать.

- Хорошо тут у вас, - замечаю, - тихо!

- Дом-от у нас летами не больно тихой. Девки, ровно звонки, вечкотливые.

- Вечкотливые?

- По-вашему, значит, болтливые, - объяснила хозяйка. – А наряжаются баско. Вон, глянь на вешало,- показала на жердь, висевшую вдоль сарая, на которой сушилась развешанная одежда. – Вечёр с гулянья пришли, напрочь вымокли под грозой. Дак сегодня в сменное платье, не хуже этого, нарядились. Опять вечерушничают с парнями.

Ягодный голос

Голосок у меня бегливый, лесной, как эхо. Ежели я запою, так слышать за рекой. Прежде была в нашей волости первой певуньей. На всех застольях гуляла. Однако к вину, хоть к магазинному, хоть к какому, не прикасалась. Голос с чего такой, спросишь? С ягодных воды! Навожу на клюкве или бруснице. И пью её, как дорогое лекарство. Потому голосок и бежит впереди меня на несколько километров.

Коровий чай

Корова у нас и зимой весёлая. И телёнок весь в мать. И всё оттого, что готовим для них бодрый чай. Из обычного сена. Заварим его в кипящей воде. Настоим. И даём поутру. Телёнок растёт с той воды, как на хлебных дрожжах. А корова, что тебе пава.

Страсть лесная

Страсть страшимая сколько лесу там наломало. Вася Думов, неключихинский лесник, возвращался в ту пору домой. Как зашёл в эти выломки, так и всё. Два дня с ночью по ним блудился. Без еды, без воды. Хорошо хоть наспело в насып брусники. А то бы и ноги там протянул. Или ходил бы кругами за лешаком, покудов бы тот не завёл его в новый ломинник.

За девятой водой

- Куда это ты, Василей, с ведром да на лодке?
- Видишь, у берегу-то чего? Не вода, а Чернобыль!
- Дак ты за белой, выходит? За самой, за этой, за чистой?
- За девятой водой!

Вразбросе

Покойники на кладбище у нас лежат, кто где, иные в загородках, иные под холмами без крестов, короче – все вразбросе...

- Дак ведь и в жизни тожо самое. Не в линии теперь народ – в разбросе. Поэтому и нет согласия ни на работе, ни в семье, ни в государстве...

Бесплатный концерт

Отцу 92 года. Дочери – 60. Отец на печи. Свешивает бусоволосую голову, отрывая ее от подушки.

- Опять красивое платье одела?

Лицо у дочери осияло.

- А как! Ведь на вылюдье выхожу! Сёдни артисты из городу приезжают.

- Вылягивать будут?

- Не вылягивать, а плясать!

- Может, и мне туда сползть? А-то лежу, как лежанка. Всё хоть костьё разомну.

Дочь невесело замечает:

- Да у тебя и костюма-то нету...

- И впрямь, - вздыхает старик.- А народ-то, как думаешь, соберется?

- Ещё бы ему не собраться!

- Пощо же такое?

- Пото, що бесплатно...

Врозь

Разговорились двое. Через забор.

- Огород-то у вас большой.

- В два хозяйства ведем.

- Вместе?

- Врозь!

- Почему?

- Мы удобряем его, нагинаясь. А они, зеворотя на

небеса.

- А разница в чём?

- В навозе! У нас он коровий, в кучках, на каждой гряде. А у них - воробьиный. Весь, как есть, в небесах. Оттоля и удобряет.

Веселухи

- Как живешь, Александровна?

- Хорошо!

- То-то выглядишь веселухой! Не вино ли пила?

- Чай, Петровна!

- Индийский?

- На индийский пензии не хватает. У меня – боровой. Из красавчика-мухомора.

- Но ведь это отравы?!

- В первый раз и глонула, ровно отраву. Налила себе в чашку. Думаю, всё, распрощаюсь с душой. А она, эта чайная гадинка, подняла меня, как на крыльях!.. Ну-ко что это я? Ты стоишь под окном. Я – в окне. Заходи-ко давай! А, Петровна? У меня, вон, и чайник кипит. Посидим!

- Ой, не знаю. Потом, Александровна. Вот как выпью свой чай. Он ведь тоже не со слонами. Как истрачу его, так к тебе и приду. Может, тоже сделаюсь веселухой!

Затылок к затылку

- Как молодые-то нынче живут?

- Да не так, как вначале. Вначале-то – личико к личику, сердце к сердцу. А тепере – затылок к затылку. Отчего? Оттого, что характером не сошлись. Он – вскипчивый. Она – поперёга. Всё нынче врозь. И кошельками врозь, и подушками на кровати.

Ну и пусть!

Вечер. Легкие сумерки. Запах сирени.

Из раскрытого настежь окна доносятся голоса:

- Ой, девушка, не сглупи! Встречаешься с городским. А он, говорят, женатый.

- Ну и пусть говорят!

- Так ведь это не дело! Он, хотя и пригож, а видать по всему – окаянный щегол!

- Мама! Что ты такое городишь?! Прямо, хоть стой, хоть падай!

- Об тебе беспокоюсь!

- Чего обо мне?

- В подоле не принеси! А-то ведь бракованной будешь!

- Ну, хватит! Не надо! Ты меня, мама, достала. И вообще, где неженатых-то ныне найдешь?

- А Колюнчик чем худ?

- Тем и худ, что он мне под пазуху будет!

- А Василей?

- Всё! Закончим на этом! После, мама, договорим.

А сейчас извини. Меня ждут...

Было слышно, как в глубине вечернего дома резко хлопнула дверь, продробили шажки, и во двор, шелестя оборами платья, пылко выскочила девица – круглолицая, в белых туфлях и в прозрачной косынке на голове. Ее яркие щёки, глаза и высокая грудь, пробивавшаяся сквозь платье, были в том беспокойном порыве, когда девку не остановишь. Потому и спешила к тому, кто ее жадно ждал за дворами села в смутных сумерках, под сиренью.

Туман

Поздний вечер. Иду по берегу Сухоны, в просторах которой белеют барашками резвые волны, да кто-то в желтой рубахе гребет на лодке к левому краю реки.

Впереди по дороге – туман. Очень странный такой. Ни с того, ни с сего. И идет на меня. Не туманом идет, а завернутым в этот туман смеющимся человеком, в котором я узнаю вдруг Выдрина Пашу, дружка своего, утонувшего где-то именно в этих местах.

Я невольно взглянул на реку, где плыла по барашкам вечерняя лодка. Пашу здесь тогда и швырнули с палубы парохода. Утопили за то, что он поскандалил с кем-то из членов команды.

Напахнуло прохладой реки. Пролетела ворона. Туман со смеющимся в нём Пашей Выдриным - вот уже рядом. Я замедлил свой шаг. И когда до Паши осталось не дальше вытянутой руки, он вдруг выступил из тумана, как из мира нездешнего в здешний, и сразу исчез, оставив после себя только лужицу на дороге.

«Что-то стало мне часто мерещиться», - думал я, снова вглядываясь в реку, по которой ходили барашки, а сверху, дымясь, опускался на них туман. Был туман не мистический, а реальный, привалившийся к Сухоне, как к подруге, которая скроет своими водами все преступления, драмы и тайны и никому никогда не расскажет о них.

Ю.Т. Аверьянову

Две розы

Случилось самое ненужное. В начале марта умерла жена. И ты один.

Один – в квартире. Один – на берегу пруда. Один – среди тающих снегов. В руках твоих – две пламенные розы, как два огня, соединяющих живое с неживым.

Самолёт

Огород, гребь, косьба, да ещё, вон, корова и двое внучат на руках. Недосуг, а по рыжики, всё равно найду времечко, и слетаю! Так всю жизнь и летаю от дела к делу. Не зря и прозвище - Самолёт.

Трепет

Так устал, что свернул с дороги и со стоном рухнул в траву. Отдыхая, почувствовал трепет, словно кто-то, ласкаясь, входил, проникая в меня, как в желанный шалаш. И я понял, что это земля разговаривает со мной, заставляя меня подняться, покуда была она милостивой и теплой, еще не утратившей доброты, вслед которой, будто охотница за здоровьем, стояла, чадя темнотой, неприятная ночь.

Последние шаги

Он протащился мелкими шажками до конца поселка – высокорослый, но сутулый, с берестовым

лицом и тусклыми глазами, в которых, словно сквозь беду, упорно пробирались стылые зрачки.

Глухое ощущение теряющейся жизни томило грудь и связывало ноги. Остановившись, он припал к забору и упорно посмотрел на пыльную дорогу, на кусты с застрявшим в них березовым бревном, на только что посыпавшийся дождь. И вдруг при виде розовой макушки клевера устало улыбнулся. Цветок среди понурого пейзажа был свеж и молод, словно жизнь, которая звала.

Он отшатнулся от забора и пошел.

Куда?

Какая разница. Лишь бы идти и чувствовать подошвами родную твердь да с кроткой грустью, как на чутошных детей, глядеть на маковки цветов, в которых слышался ему веселый зов из прошлых лет, где оставалось радостное детство.

Потом он рухнул, прижимаясь грудью к травяной земле. Земля была покладистой и теплой. Она стучалась к нему в грудь. Стучалась до тех пор, пока не стихло его сердце, соединяясь с летним вечером, струящимся дождем и небывалой поселковой тишиной.

Всё на том же лугу

За деревней Подлипной – луга. Я увидел его рано утром через траву, многослойно нависшую над тропинкой.

Он спускался с угора, сухой и высокий, в белом, как у пирата, платке. Косовище в руках его дерзко

играло, передавая игру остроносому жалу косы, за которым, сверкая росой, оседала трава, расстилаясь по косогору.

Я запомнил того косаря, может быть, потому, что потом, через несколько лет разгляжу за деревней Подлипной, всё на том же лугу, с той же резвой косой его очень красивую дочку, нежноликую, в развевающейся косынке – мою будущую жену.

Косой поворот

Никогда так нормально не жил! Две квартиры, усадьба в деревне, новый Фольксваген. Жена разнаряжена, как царица! Денег пачки...

Кто всё это сказал?

Синеглазый, при галстукке, в сером костюме, словом, самый обыкновенный. В то же время один из тех, кому ведом косой поворот золотого ключа, открывающий дверь к богатству, среди которого затаилась, как тать, очень тихая и глухая, никогда невидимая тюрьма.

В расход

Вся порода у женки, как кремень. Особо отец ее Александр Андреевич Хазов. В 30-м году с мужиками из Пигилинки строил в лесу бараки. На стройку эту он мог бы и не ходить. Но не было личностных документов, и его, коли брыкаться будет, обещали ввести в кулаки.

Осень нагнали в Ширегу поселенцев из Украины. И пошёл Александр Андреевич к Дулову, главному ихнему конвоиру.

Тот лежит на ватниках, в люльке, и пистолетами обложился. Хазов ему говорит:

- Отпусти в Москву, к брату.

Дулов не возражает. Но ставит условие:

- Даю три дня. Опоздаешь - станешь врагом народа.

Хазов времени зря не терял. В тот же день в телячьем вагоне уехал в Москву. Добыл у брата справку с печатью, по коей он значился как гражданин. Раздоволен. Теперь, продав дом, он сможет уехать с семейкой куда угодно.

К Дулову он несёт корзину с бутылками первача, холодной телятиной и грибами. И сотельную ещё.

Целый вечер сядят как два друга. Пьют и песни поют. На прощанье ажно расцеловались.

А наутро, чуть свет, Дулов даёт сельсоветским властям установку: Хазова раскулачить и срочно отправить в район.

Сгинул Хазов, словно его и не было в Пигилинке. В деревне терялись в догадках: за что? Лишь полгода спустя Дулов по пьяни проговорился:

- Хазов сам виноват. Заявился ко мне со взяткой. Взял ли я эту взятку или не взял - всё равно бы мне не было веры, каб оставил его на свободе. А без веры, куда меня в нашем утайливом деле? Только в расход...

Микуловны

Уроженка Сямженского района Ольга Колесова в последние годы войны жила в Москве. Была служанкой у известного поэта Демьяна Бедного.

- Ну и чем у вас там, в Пигилинке, живёт народ? – назвал Демьян Бедный деревню, откуда приехала Ольга в Москву.

- Работой живёт, - вздохнула служанка. – В начале войны лошадей угнали на фронт – так стали пахать на быках. Быки передохли – продолжили вспашку на нетелях и коровах. Когда и тех пахота уломала, бабы сами впряглись. Восьмеро впереди тащат плуг, двое сзади держат за рукоятки. И я пахала со всеми.

- Не может этого быть! – не поверил поэт.

- Может! – ответила Ольга. - Мы пахали и боронили. По три-четыре семьи сбивались в кучу и бурлачили, что тебе судовые ярыги.

- Это ты
напридумывала, -
усомнился поэт.

Ольга спорить с Бедным не стала. Лишь посоветовала ему:

- Проверьте, коли не верите! Поезжайте на Вологодскую

Кубену, а на ней стоят Пигилинка, Ивановская, Чаглоново... Всех деревён и не перечислишь. Зайдите в любую – и вам покажут на тех, кто впрягался вместо коней. Бабы в нашем краю троежилные, стойно

кони.

Сказано точно. Живы эти Микуловны и поныне. Только сильно состарились. Я сам встречался с многими из работниц.

И что сильнее запомнил: лица у них в многочисленных горьких морщинах. Однако глаза. Глаза, как у девочек, голубые.

На белом коне

Толя Форсов приехал в деревню с войны без обеих рук и без глаза. Что уж делать? Хочется ж ить и такому. Привязал вместо рук деревяшки. К правой - нож прикрепил, к левой – вилку, и начал ходить в поскотину по грибы. За лето по 25 корзин рыжиков приносил. И в колхозе стал не натдатком. Научился править конем. Куда председатель пошлёт – туда и поедет. Как увидишь Толю верхом, так и знаешь: сейчас привезёт до людей какую-то новость.

Запомнился день 9 мая. Толя на белом коне, весь распаренный, подъезжает к деревне, блестит одним глазом и громко, по всем переулкам:

- Кончилась мятка! Гитлера уломали!

Мало-помалу начали возвращаться с войны мужики. Толя и затужил: « Все люди как люди. А я рядом с ними – не человек...»

Одна девица хотела, чтоб Форсов на ней женился. Но тот ей сказал:

- Ты меня через месяц возненавидишь.

Оттого на девке и не женился. Никому не хотел быть в обузу.

Часовенка

Череповчанин Иван Валентинович Комаров, выйдя на пенсию, поселился в деревне Великий Двор. Обустроил старенький дом, посадил огород. Вечерами, время от времени стал выгонять самогон. Не на продажу, а для себя, дабы не тратиться на вино, на которое его скромной пенсии не хватало. Из чего он только его не гнал! Из сахарного песка, зерна, картофеля, топинамбура и даже рогоза.

Раз пять его пытались оштрафовать. Приходили на дом, надеясь найти самогонку и аппарат. Но Иван Валентинович опытно прятал.

Однажды спрятать все-таки не успел. Приехавшая из города тройка, представлявшая раймилицию, райгазету и партконтроль, застала его врасплох. Комаров успел лишь схватить четвертную, налить в нее из ведра и поместить стоймя на дно сундука, стоявшего тут же, в кухне.

С сундука и начали обыск. Вытащили бутыль. Отковырнули бумажную пробку. Налили в три стакана, дабы утвердиться, что не ошиблись. Выпили с маху. И изумленно уставились в три пары глаз на хозяина дома.

- Это ж вода.

- Вода, - согласился Иван Валентинович.

- А для чего ее прячешь?

- Так ведь она неживая.

- Какая еще неживая?

- Обычай у нас тут такой. Как человек помирает, его раздевают и обмывают. А воду эту с тела его не куда-нибудь там выплескивают, а сливают в бутыль. - Кома-

ров кивнул на стоявшую на столе, как часовенку, четвертную.

Проверяльщики побледнели и один за другим выскочили во двор, где у них тут же вычистило желудки.

Было это в 1980 году. Наезжало в Великий Двор еще несколько грозных комиссий. Но ни одна из них к Комарову больше не заходила.

Тешенка

В девках-то я была тешенкой. Баская больно. Вот и тешили мама с тятей. На грязную работу не отпускали. Сколько было сватов, всем – от ворот-поворот. За своих выдавать меня не хотели. А появился учителёк – строгий, в очочках, с серебряным зубом и кепочка на бочок. За него и пошла, хотя и знала его не лучше, чем иноземца. И ведь что на сегодня – живем! Нынче, какой у нас год? 99-й. А начинали в 48-м. Тепере к нам в выходные правнучка ходит. Бастенькая такая! Наташей зовут. Такая же тешенка, как и я.

Адовая водица

Раньше стопочку выпьешь и идёшь во вторые гости. А в первые-то ходили тверёзыми. Оттого во всём теле кровь здоровая, не дурная, не то, что у нынешних винолюбцев. У них и крови-то лишь на треть. А другие две трети – адовая водица.

Низкая вода

От синеющей Сухоны против Крутца по заросшему ивами склону ползут снизу вверх меж перил тесные ступеньки. Краснощёкая, в белом платочке молодка, забравшись на берег, снимает с плеча полукруглое коромысло, ставя на землю вёдра с водой.

Я как раз проходил этим местом. Шучу:

- Молодая, а запыхалась?!

Молодая кивком посылает меня посмотреть, откуда она появилась.

- Лестница шибко крутая,- заговорила круглым на «о» серебряным голосочком,- на 705 ступенек. Тут сердце надо с овин, чтоб залезти без передыху, да ещё с парой вёдер на водоносе. Сухонская водица у-у как низко бежит!

- А на вкус какова? – спрашиваю с улыбкой.

- Сладкая, если по правде. Чай из Сухоны можно без сахара пить. Правда, её, эту сладкую, - молодая снова кивает, кончиками платочка отправляя меня поглядеть, откуда берут в этой местности воду, - ещё надо поднять!
- И берётся за водонос, осторожно вздымая его на плечо.

Деликатес

Осенесь рожь просыпала на дорогу. А гляди, по апрелю, вытаивает. Погляди-ко в окно! Ишь, как лошадь губами играет! Это она из зазора рожь по зёрнышку выбирает. Не зерно, а деликатес!

Кабы знать

Зять из бедных. Поэтому тёща к нему снисходительна, даже немного цинична. Вот и сегодня, едва Славогубов ступил в её дом, она растворила беззубый ротик и голосом сладким:

- Ой! Кабы знать, что придёшь, я б и щи не выплеснула в окошко.

Славогубов угрюмо:

- Старые щи-то?

- Да не-е, - хитро светится теща, - всево о четвертые сутки.

Спелый

Сколь лет стояла сосна-вековуха. А вот хватил буреломный сивер, и корни её затрещали, как кости. Упало дерево с выворотом земли. Корень-высокорь, что тебе мёртвый шалаш. Так и в мире сегодняшнем. Падают люди, как малые, так и большие. Только не ветер их валит, а мать-земля. Выбирает самого спелого. Был человек до рожденья никем. И вот снова – никем.

Заступа

Вспоминают две бабушки Кланы и Маня.

- Мужиков-то наших война поголовно выбила из деревни.

- Один Валюха и воротился.

- Выбивала война. А топере - вино да водка. Каж-

ной месяц кого-нибудь да хороним.

- Кроме Валюхи.

Валюхе 101 год. Ни одни похороны не пропустит. Глядит водяными глазами на гроб и голосом жидким, с бульканьем:

- Опять-то очередь не моя. Будто сам царь небесный заступается за меня. Не мне бы заступу-то эту, а вон, - кивает на ящик с однопоручником, в перекрестии рук которого смиренно поблескивает свеча. А когда гроб поднимут и понесут, мудро, будто философ, добавит вдогонку:

- Входцов в могилу, ой много, а выходцов – ни одного...

Два барана

- Как овечки-то ноне, Мань? Все приходят домой?

- С ними всё у меня в порядке. Зато баран, Катерина, весь-то избегался, ровно блудень. Нет в деревне овцы, которую бы пропустил. Теперь держу его в загородке.

- А у меня, Мань, баран-от кладыш. Ходит с овцами в стаде. Толстой и спокойный, что в вашей волости дедко Гема.

- Тоже мне, Катерина, сравнила. Гема, хоть и в летах, а по женской части – шустрая щука.

- Воно. А я и не знала. Такой брюхан – и ну-ко-те щука?! Постой! А откудава, Мань, про это ты знаешь?

- Дак ведь Гема-то ноне женился!

- На ком?

- Да на мне, Катерина.

Вторая жена

Сторожа биржи Апполинария Львовича Маракова знают в Исадах, как расторопного мужика, который любит поговорить. Чаще всего разговаривает он с тестем, немногословным, однако насмешливым стариком. Вот и сегодня, до ужина, перед тем как включить телевизор, Мараков по привычке разговорился.

- Боле всего обожаю людей с муравьиным характером. Эдаких бойких...

- Вроде тебя, - подсказал, усмехаясь, тесть.

- А что! – Усмешки не трогают Маракова. Напротив, дают ему пищу для поворота к новой беседе. – Я, к примеру, каков из себя?

Тесть опять усмехнулся:

- Мало-малю вралеватый.

Мараков удивился:

- И только?

- Пожалуй, еще и бахвал.

- Это всё ерунда! Ты, отец, о существенном, самоглавном. Ну скажи: есть во мне эта самая... сила воли?

Тесть с иронией:

- Да какая там сила...

- Не прав! – воспаляется Мараков. – Эта сила со мной день и ночь, как вторая жена! Я бутылку, когда купил? Три недели назад. А она до сих пор не задета. Во-о! – Зять кивком показывает на полку. – Как стояла на полке, так и стоит! Был бы я в слабой воле, давно бы отправил по горлу.

Тесть решительно не согласен.

- Причина не в силе воли, а в твоей неустойчивости от водки. Помнишь, День авиации? Я и ты – две бутылки насупротив усидели. После этого я куда? Поливать огурцы. Ну а ты? Ты – к народишку, за калитку. Слава Богу, споткнулся о катышок. И голова твоя определилась на дне канавы, а ноги вылезли на забор. Так что зря выдвигаешь на выхвалку силу воли. Она у тебя, как вторая жена. Именно как вторая, тут ты точно сказал, потому как она у тебя не в кровати, а под кроватью.

- Ну и пусть, - пообморщился Мараков. – Не буду хоть боле менять местами.

- О чем это ты? О ногах с головой?

- О чем еще боле.

- Снова ты прав! – похвалил Маракова тесть. – Пусть твои ноги всегда остаются ногами, а голова – головой. – И, поднявшись, достал с надоконной поллицы поллитровку. Отвинтил нарезную пробку. Налил в чайный стакан и серьезным голосом, без усмешки:

- За твою вторую жену!

Почта на проселке

Дождь. Кривая проселочная дорога кипит снегом, зажорами и ручьями. В наполненных желтой водой колеях та неизвестная глубина, которой так суеверно боятся шоферы. Впрочем, шоферы сейчас не ездят. Машины у них стоят в гаражах. По разбитой апрельской дороге ходят лишь тракторы, кони и люди.

Металлическим лязгом пронизан осиновый лес. Ползет по дороге трактор. Плечом к плечу с трактористом сидит конопатый Серега, который зимой доставляет из города почту, а летом пасет колхозных коров. Смотрит Серега с боязнью, как трактор заходит в огромную водополь, как волны ее толкаются в дверцу и, прорываясь в кабину, льются в ногах настоящим ручьем. Хватило трактора ненадолго. Застрял.

Почтальон спешит настичь низкорослую лошадь, везущую на телеге сивобородого деда с кулем. Догнал. Снял тяжелую сумку. Но коротко ехать ему довелось. Лошадь при виде близкой деревни встала, направив морду к домам. В глазах ее билось изнеможение. «Пойду распрягу», - буркнул старик и повернул с дороги к жилью. А молодой почтальон, грустный от мысли, что транспорта больше не будет, пошел месить сапогами грязь. Километр. Второй. Третий. Четвертый...

Лишь в потемках пришел Серега. Разнес почту по всем домам. А час спустя, переодевшись в сухое, гулял у друга на именинах.

Застолье. Смех. Бойкий говор тальянки. Лихой перепляс. А за окном все ближе и ближе к земле придвигалось апрельское небо, под которым в свисте тоскливого ветра и всплесках дождя бежала кипящая пузырями дорога.

- Серега?! – кричат почтальону. – Завтра снова за почтой пойдешь?

- А то! – улыбается почтальон.

Ивовый куст

- Семья-то большая?
- Что те ивовый куст.

